

Томас Венцлова: «История снова ускоряет бег». Часть 1 | Tomas Venclova : «L’histoire accélère de nouveau sa course». Partie 1

Автор: Надежда Сикорская, [Lausanne - Лозанна](#) , 20.03.2019.

Поэт Томас Венцлова

По просьбам читателей, кому не достался 13-й выпуск нашего печатного приложения, мы предлагаем вашему вниманию один из опубликованных в нем материалов.

|

Selon les demandes les lecteurs qui ont raté la 13ème édition de notre magazine, voici un interview exclusif du grand poète lituanien.

Tomas Venclova : «L'histoire accélère de nouveau sa course». Partie 1

Поэт, философ, переводчик, правозащитник, человек, в чьей судьбе отразился весь XX век... Он родился в 1937 году Клайпеде, учился в университетах Вильнюса и Тарту, часто бывал в Москве и Ленинграде. На русский язык стихи Венцлова впервые перевёл его друг – Иосиф Бродский, посвятивший ему «Литовский дивертисмент». А сам он переводил не только Бродского, но и Пастернака, Мандельштама, Ахматову. В декабре 1976 года стал одним из основателей Литовской Хельсинкской группы, в 1977-м выехал из Советского Союза по приглашению университета Беркли, с 1980-го преподавал в Йельском университете.

Томас Венцлова – автор научных работ о литовской, польской и русской литературе. Свободно владеет литовским, русским, польским и английским, говорит на итальянском, но только в Италии, читает по-французски и по-испански, в юности учил греческий. Написал три книги о Вильнюсе. Его нередко называют биографом этого города, послом литовской литературы в мире. Летом 2018 года он провел месяц в писательской резиденции Фонда Генриха Марии и Джейн Ледиг-Ровольт в Замке Лавиньи, выступил с лекцией в Литературном фонде Яна Михальского в Монрише, а в швейцарском «Журнале словесности» были опубликованы несколько его переведенных на французский стихотворений и переписка с родившимся в Вильнюсе знаменитым польским поэтом Чеславом Милошем.

Вот какой у нас получился разговор.

Наша Газета: На каком языке Вы видите сны?

Томас Венцлова: Обычно на родном, литовском.

То есть за тридцать лет в Америке Вы так и не американизировались?

Совершенно не американизировался. Я вообще не очень люблю Америку, по двум причинам. Первая – там нет настоящей, то есть европейской, архитектуры: готики, барокко, а классицизм поддельный. Есть небоскребы, есть богатые виллы, но это нечто другое. Вторая – там невозможно ходить пешком. Правда, мы с женой живем в городке, где это как раз возможно, мы даже не держим машину, что является особой формой снобизма. Нет у нас и дома – есть квартира. Мне неинтересно ремонтировать дом или копать в огороде, зато очень интересно путешествовать, и я могу себе это позволить даже сейчас, находясь на пенсии.

Вы – потомственный поэт. Ваш отец тоже писал стихи, но при этом и занимал ответственные должности, был частью советской системы. Что толкнуло Вас на путь диссидентства?

Я просто смотрел на то, что происходило, размышлял и довольно быстро понял: что-то в этой системе не получается, надо ее менять. А потом понял, что изменения не помогут, она может только рухнуть, и для этого надо, как сказал Солженицын, «жить не по лжи», то есть не поддерживать ее ни одним словом, ни одним движением, а

наоборот – расшатывать. В моей профессии расшатыванием были переводы на литовский язык западной модернистской литературы – Элиота, Джойса, Рильке, Борхеса и многих других. Переводы Шекспира, Диккенса, Гёте дают возможность жить не по лжи, и многие так жили.

Как Вы узнали о лишении Вас советского гражданства и какова была Ваша первая реакция?

Первая реакция была – облегчение, я этого ожидал и даже удивлялся, что так долго не лишают, поскольку, уехав преподавать в Беркли с красным паспортом, вел я себя крайне нагло для советского гражданина.

А как же Вас отпустили?

Так получилось, что меня должны были либо посадить на 15 лет, либо отпустить. Я был вроде сына Горького, Максима Пешкова, и при этом еще пишущий человек. Мне повезло больше, чем Пешкову, – отпустили, хотя отца тогда уже не было в живых и помочь он мне не мог. И вот я обменял 500 рублей на 600 долларов (курс на черном рынке был тогда 1:10, официально же рубль был немного дороже доллара) и отправился сначала в Париж, где очень быстро всю эту сумму спустил – соблазнов было много. Когда понадобились деньги, пошел к Александру Галичу на «Радио Свобода» и дал вполне невинное интервью о переводах Мандельштама на литовский. На заработанные сто долларов перекантовался еще несколько дней. В Америке выступил в комитете конгресса – о положении с правами человека в Литве. Я прочел доклад, сказав, что положение могло бы быть и лучше, но без ругани. Но сам факт! Так продолжалось с января по август 1977 года. А в августе на заработанные преподаванием в Беркли 10 тысяч долларов я уехал отдыхать на Гавайи, купив путевку за 800.

Что для советского человека в то время...

Вот именно! И пока я сидел на островах, ко мне на квартиру, где в то время жил мой друг, ныне – ректор Каунасского университета, пришли двое – ох, мрачные личности! Поняв, что он – это не я, попросили передать, чтобы я явился в консульство в Сан-Франциско или прислал паспорт по почте, чтобы в нем сделали отметку. Я отправил им паспорт, приложив записку, в которой говорилось, что у меня пятилетняя американская виза и все эти годы я намерен провести в США, и содержалась просьба привести мой паспорт в соответствие. Как Вы уже догадались, паспорт мне не вернулся, а вернулась бумажка с извещением, что еще в июне (!) я был лишен гражданства – за поведение, недостойное советского человека. А еще в июле я летал с этим паспортом в Лондон! Вот такой детектив.

И что Вы сделали?

У меня не было другого выбора, как попросить политического убежища. Кстати, в Париже я этого не сделал, поскольку, будучи членом Хельсинкской группы, хотел иметь возможность вернуться и продолжить работу. Теперь же попросил, и мне его предоставили, а через шесть лет дали американское гражданство.

В СССР лишали гражданства по политическим причинам, во Франции сейчас обсуждается возможность применения этой меры к тем, что замешан в

террористической деятельности. В Швейцарии гражданства лишиться невозможно, по крайней мере пока. Как Вы относитесь к такому виду наказания?

Мне кажется, такого быть не должно.

Примерно в одно время с Вами гражданства лишились Солженицын, Ростропович и Вишневская, позже - Юрий Любимов. Все вы спустя десятилетия с триумфом вернулись на Родину, они в Россию, Вы - в Литву. То есть были как бы признаны пророками в своих отечествах.

Как-то неловко самого себя называть пророком, но вообще получилось правильно. Правда, в течение 11 лет я думал, что никогда не увижу ни Россию, ни Литву и, находясь в Западном Берлине, смотрел по ту сторону стены с какой-то даже тоской. В 1988 году я решил рискнуть и поехал в Москву и Ленинград, куда ко мне приехала повидаться мать. Ехал с опаской и даже написал в двух экземплярах, заверил у нотариуса и оставил у двух друзей в Америке духовное завещание. В нем говорилось, что, если вдруг, находясь в Советском Союзе, я буду выступать по телевидению, проклинать Запад и утверждать, что я осознал свои ошибки, это может иметь только два объяснения. Первое - весьма сильное физическое воздействие: если просто бить будут, могу и выдержать, а вот если иголки под ногти загонять... Как писал Бродский, «человек есть испытатель боли, /Но то ли свой ему неведом, то ли/ ее предел». Мои любимые строки. Второе возможное объяснение - это не я, а мой двойник, так что не надо обращать внимания.

От редакции: Продолжение интервью вы сможете прочитать ровно через неделю. Для того, чтобы еще раз не пропустить что-то интересное, советуем вам уже сейчас заказать 14-й номер печатного приложения, который на-днях отправится в типографию. А еще лучше - [оформить подписку](#).

[отношения сша и швейцарии](#)

Статьи по теме

[Софи Кандаурофф: «Мы всегда рады русскоязычным писателям»](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/tomas-venclova-istoriya-snova-uskorya-et-beg-chast-1>